

положение «per rationes naturales»**. Бесспорно, разум приводил Сигера Брабантского к определенным выводам, а вера настаивала

на выводах противоположных: разум наглядно показывал нечто противоположное тому, чему учила вера. Осознавать такое тягостно, однако, в конце концов, если разум отождествить с Аристотелем, то это будет лишь констатация того, что есть. С другой стороны, столь же очевидно, что Сигер не утверждает истинность этих противоположностей, а решительно выбирает одну из двух и всегда выбирает в пользу веры. Разумеется, для объяснения его позиции достаточно сослаться на осторожность: клирик и магистр Парижского университета, живущий в такой среде, которая была перенасыщена религиозной верой, Сигер не мог и мечтать ставить разум выше Откровения. А даже если он так думал, то не мог помыслить высказать это вслух. Но эта гипотеза рушится, если посмотреть, каково было подлинное состояние духа Сигера Брабантского. Его речи должны были быть теми же самыми, произносил ли он их по убеждению или из осторожности. А мы знаем, что христианская вера была нормальным состоянием духа в его среде и в его эпоху. На многих других примерах мы знаем также, что даже сегодня верующие могли искренне держаться своей веры и в то же время воспринимать учения, трудно совместимые с нею. Если в XX веке некоторые умы, разделенные внутри самих себя, должны были бороться многие годы и победить ожесточенное внутреннее сопротивление, прежде чем признаться самим себе, что они больше не веруют, то на каком основании мы сегодня решаем, что Сигер Брабантский маскировал свои подлинные мысли, когда говорил, что он думает как философ и верует как христианин? Наоборот, это — естественное явление, обнаруживающееся регулярно, если новому философскому учению удастся овладеть умом, уже заполненным верой. Для этого требуется единственное условие: идея, в рамках которой происходит подобная встреча, предполагает какие-то уловки или обстоятельства, которые позволяют двум учениям сосуществовать. Обстоятельство, посредством ко-

Глава VIII. Философия в XIII веке

426

торого Сигер решил проблему, состоит в том, что надежность естественного разума слабее той надежности, которую нам дает вера; тогда и другие мыслители, помимо Сигера, занимали аналогичную позицию. «Желая вести добрую жизнь в исследовании и созерцании истины, насколько это возможно в этом мире, — пишет один из современников Сигера, — мы принимаемся рассуждать о вещах природных, нравственных и божественных согласно идеям и порядку Аристотеля — однако не посягая на права ортодоксальной веры, которая нам явлена в свете божественного Откровения и которой философы, как таковые, не были просвещены. Ибо, рассматривая обыкновенное и привычное течение событий в природе, а не божественные чудеса, они объясняли вещи с помощью света разума, не противореча теологической истине, знание которой открывается с помощью более возвышенного света. Философ, приходящий к выводу, что та или иная вещь необходима или невозможна по причинам низшего порядка, то есть доступным разуму, тем самым не противоречит вере, которая утверждает, что вещи могут быть иными благодаря причине высшего порядка, сила и причинная способность которой недоступны пониманию какого-либо сотворенного существа. Даже святые пророки, пропитанные подлинным пророческим духом, но принимавшие во внимание причины низшего порядка, предсказывали и такие события, которые не происходили, ибо Первопричина расположила события иначе». Итак, при современном состоянии наших знаний тексты не позволяют нам принять окончательное решение.